

*М. И. Конюшкевич (Гродно)*

### РАСШИРЕНИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ГРАНИЦ КАТЕГОРИИ ПЕРСОНАЛЬНОСТИ

Эгоцентрический характер речевого общения и всей речемыслительной деятельности носителей языка и вытекающий из этого антропоцентризм языка ведет к значительному расширению функциональных границ категории личности. Это расширение происходит в двух, казалось бы, противоположных направлениях, но в основе каждого из них лежит один и тот же антропоцентрический фактор.

Одно направление – это персонификация неодушевленных предметов. Н. Ю. Шведова, говоря об исходном смысле «*кто* – существо одушевленное», высказала предположение, что в контаминации с другими исходными смыслами «для него практически нет ограничений», поскольку «существо познающее определяет свое место в окружающей его обстановке и в своих связях и отношениях со всем другим и другими; при этом человек естественно видит себя в центре своего окружения» [2, с. 61]. Она привела 12 видов таких контаминаций, однако сделала оговорку, что это «лишь общий взгляд на само явление контаминации смыслов; оно требует специального изучения под углом зрения смыслового строения языка в целом» [2, с. 62].

Для иллюстрации контаминации смыслов *кто* и *где* Н. Ю. Шведова привела примеры существительных в форме именительного падежа и только в позиции грамматического субъекта. Но скрытые персональные смыслы имеются и в других формах синтаксиса с существительными пространственной семантики, совмещающих несколько денотативных ролей – так называемых гиперролей. Например, гиперроль «субъект + локатив» может быть представлена с разной долей наличия одного или другого: либо субъектный локатив, либо локативный субъект. Если она выражена личным субстантивом типа *Денис, Янина, бабушка, учитель* и т. п., то можно говорить о денотативной роли субъектного локатива: *Был у Дениса / у бабушки / у учителя*.

Если же речь идет о локативном субъекте, то для этой денотативной роли используются существительные не просто с пространственной семантикой, а лишь те, значение которых предполагает в

называемом ими локуме постоянное наличие лица по роду его деятельности, проживания и др. Сравним четыре группы примеров:

1) Нормально: **В буфете / в ларьке / в магазине / в столовой** я купил пирожок. 2) Требуется конкретизация: **В городе / в селе / в поселке** я купил пирожок. 3) Ситуативно возможно: <sup>?</sup>**На улице / в парке / у входа в парк / на площади** я купил пирожок. 4) Некорректно: **\*В поле / в лесу / на опушке / на дороге / в чаще** я купил пирожок.

В контекстах (4) локативные синтаксемы содержат только пространственную семантику, в них по определению отсутствует субъектная сема продавца, разрешающая семантическое согласование локативной синтаксемы и действие агенса. Поэтому, если таковая жизненная ситуация окказионально может случиться, то для ее языковой реализации в высказывание необходимо ввести отдельную денотативную роль продавца: **На дороге у прохожего / в остановившейся автолавке** я купил пирожок.

Аналогично могут быть сформированы и другие гиперроли пространственно-субъектного типа – «транзитив + субъект-адресант»: *Про это еще долго гутарили **по хутору*** (М. Шолохов); «директив-старт + субъект-авторизатор»: ***Из ректората** позвонили о предстоящем визите министра*; «директив-финиш + субъект-адресат»: *Сведения об отсутствующих старосты передают **в деканат***; «локатив + субъект-адресант»: *О свином гриппе заговорили не только **в Мексике**, но и **в Беларуси***. Таким образом, любой локум, в котором постоянно наличествует и действует лицо/коллектив лиц, вербализуется с учетом категории персональности.

Возрастание в последнее время личностного начала во всех сферах коммуникации и поддержка информационных потоков со стороны новейших технологий не могли не сказаться на активных процессах и в области персонификации предметов. Особенно это касается рекламных текстов, в которых личностные качества приписываются рекламируемому продукту, причем это качества существа думающего, эмоционального, способного сопереживать, заботиться, платить, даже если речь идет об автомобиле, кастрюле, креме, чистящем средстве и проч.: *Tefal, ты всегда **думаешь** о нас; Эта помада бережно **ухаживает** за вашими губами; Нанесите на лицо маску – и **ваша кожа будет** вам благодарна; Спонсор программы – сок «Балтимор» / чай «Lipton» / кофе «Чибо»* и т. п. Персонифи-

кация заставляет менять грамматику сочетаемости слов, усиливает их функциональную нагрузку.

Второй процесс, векторно противоположный первому, касается деперсонификации личных существительных, однако и он свидетельствует о расширении границ персональности. Н. Ю. Шведова в указанной книге привела примеры предложно-падежных синтаксем с первообразными предлогами. Исследования грамматики русского (и славянского в целом) предлога показывают, что функциональные границы исхода *кто* значительно шире, а спектр субкатегориальных смыслов намного богаче.

Источником этого расширения и семантического многообразия являются несколько факторов. Во-первых, это широкая валентность первообразных предлогов, позволяющая им, с одной стороны, сочетаться со многими существительными, в том числе и с личными, и, как следствие, с другой – употребляться во многих значениях. Так, из 25 значений предлога *на* в описании В. В. Виноградова меньше десятка наберется тех значений, которые формируются без указания на участие лица и которые не способны быть переданы сочетанием предлога *на* с личными существительными [1, с. 566–569]. В основном это касается семантики инструментности, фабрикативности, темпоральности.

Во-вторых, языковое пространство категории персональности значительно расширяется в связи с увеличением массива релятивной лексики, пополняемой за счет знаменательных слов. В качестве реляционной единицы может быть использовано конкретное предметное существительное, даже соматизм, т. е. название органа тела человека: *глаза, уши, руки, ноги, сердце* и т. д. И если соматизм выступает в форме творительного падежа, первичное значение которого как раз и есть орудийное, то он приобретает способность выполнить функцию форманта синтаксемы с инструментным значением, а в качестве ее лексического компонента выступает субстантив, называющий обладателя того или иного органа, служащего орудием действия: *Устами младенца глаголет истина; Опасность, грозящую сыну, она почувствовала сердцем матери; На Беларусь надо посмотреть глазами зарубежного туриста; Второй преступник был убран руками его подельников.*

Предложная функция формы творительного орудийного в выделенных синтаксемах подтверждается его синонимией с другими

реляционными единицами: *На Беларусь надо посмотреть как иностранный турист / в качестве иностранного туриста / будучи иностранным туристом; Опасность, грозящую сыну, сыну она почувствовала, потому что / так как / ибо была матерью.*

Расширение функциональных границ личности в указанных случаях заключается в том, что из соображений экономии речевых усилий номинации лица в таких синтаксемах употреблены в неизосемическом значении и в неизосемических конструкциях. Перевод в изосемическую конструкцию обнажает истинного протагониста ситуации – субъекта действия, представленного в позиции подлежащего, но это потребует более пространной фразы: *На Беларусь надо посмотреть так, как **смотрит** на страну иностранный турист; То, что сказал младенец, является истиной, потому что только **дети говорят правду**; Второго преступника заказчик убрал, поручив это сделать его же подельникам, и **те** это **выполнили**.*

Аналогичные явления деперсонификации наблюдаются и в сообщениях СМИ о купле-продаже лица как товара: *Футболиста Х-а купил клуб Y.* На самом деле за сообщениями о продаже спортсменов, артистов, домов с живущими в них жильцами и проч. скрывается изосемический пространный текст договора с целым рядом пунктов по обязательствам сторон, что для новостного сообщения и для его адресата не является обязательным и важным.

Обе проанализированные тенденции отражают, с одной стороны, антропоцентризм языка, с другой стороны, способность языковой системы выполнить коммуникативное намерение говорящего – в минимальный по линейной структуре текст упаковать максимально плотную информацию.

1. Виноградов, В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове: учеб. пособие для вузов / В. В. Виноградов. – 3-е изд. – М., 1986.

2. Шведова, Н. Ю. Местоимение и смысл / Н. Ю. Шведова. – М., 2000.